

УДК 94(470+571)

БЫЛА ЛИ РОССИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИЕЙ? ЧАСТЬ 2 (ПУБЛИКУЕТСЯ В СОКРАЩЕНИИ)

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия
Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

Россия, Сибирь, колониализм, Калмыцкое ханство, политика

Перевод

Омакаева Эллара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

Элиста, ул. Пушкина, д. 11.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

UDC 94(470+571)

WAS RUSSIA A COLONIAL EMPIRE? PART 2 (AN ABRIDGED VERSION)

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology,

Department of Law & Anthropology, Berlin, Germany

E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

Russia, Siberia, colonialism, Kalmyk Khanate, politics

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИЛИ СОВЕТСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ?

Вспоминая знаменитое изречение Ленина «Россия — тюрьма народов», можно задаться вопросом, действительно ли советская национальная политика привела к освобождению многих наций. Был ли им предоставлен суверенитет, как обещали революционные большевики? Вальтер Коларц, современник сталинских чисток, довольно ясно дал понять, что «советские национальная политика вместо того, чтобы разрушить российский империализм, на самом деле пыталась сохранить и укрепить его» и что Советский Союз вообще не «решил проблему национальностей», несмотря на официальные заявления об обратном (Kolarz, 1952: 303).

Реализуя принцип «разделяй и властвуй» более изощренно, чем старый режим, советская национальная политика скорее способствовала все возрастающему «этническому партикуляризму» (Slezkin, 1994), превратившему государство в «коммунальную квартиру» (коммуналку) с меньшей площадью, меньшими правами и меньшими возможностями для каждого жителя.

В любом случае, «коммунальная квартира» — это всего лишь хорошая метафора для того, что в противном случае можно по праву назвать «внутренним колониализмом», хотя советский колониализм, по общему признанию, «заметно отличался от своего царского предшественника» (Loring, 2014: 80). Советский лозунг «Свобода колониальным народам», таким образом, скорее предназначался для того, чтобы охватить колонизированные страны в соседней Азии, преимущественно Китай и Индию, все еще контролируемые иностранными державами, а не колонизированных у себя дома.

В Советской Средней Азии местная автономия Бухары, Хивы (Хорезм) и Коканда просуществовала недолго, с 1918 по 1924 год, автономия казахской Алаш-Орды была еще короче (Hayit, 1965; Carrère d'Encausse, 1999b; Sabol, 2003; Kendirbai, 2008).

Призывы к «деколонизации колонии» (Teichmann, 2016: 54) остались неуслышанными, за исключением, возможно, «земельной и водной реформы», проведенной Михаилом Фрунзе в Семиречье в 1921-1922 гг., когда около 30 000 славянских крестьян и более 10 000 человек из других районов Туркестана были насильственно переселены: «furent expulsés des terres qu'ils s'étaient Applicées, en partie lors de la répression de la révolte kazakhe et kirghize de 1916, année qui marqua le début d'une période d'extrême violence entre les colons Agricoles slaves et les éleveurs centrasiatiques» (Pianciola, 2008: 101).

Планы создания независимой федерации, основанной на исламских и патриархальных традициях, выдвинутые в июне 1923 года уроженцем Казахстана Султанбеком Ходжановым, наркомом Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, не были реализованы.

Скорее, границы пяти новых центральноазиатских республик, установленные по этнонациональным критериям и зафиксированные в 1936 г., разделили языковые группы и «отсекли по оросительным системам»; Ферганская долина была «разделена на три части, распределенные между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией» (Caroe, 1953: 139; ср. Teichmann, 2016: 61–69).

Вытеснение коренного крестьянства путем переселения славянского крестьянства, инициированное Игнатьевской комиссией (1884 г.) и осуществлявшееся под контролем Министерства земледелия и государственных имуществ (1897), не только продолжалось, но и целенаправленно росло в раннесоветский период (Abdurakhimova, 2002: 251–53; Fieldhouse, [1965] 1982: 337).

Перемещенные фермеры и маргинализованные кочевники (оседлость) были превращены в пролетариат, которого ранее не существовало, просто для того, чтобы слиться с небольшим русским пролетариатом, базирующимся на нескольких заводах, железных дорогах и телеграфных станциях.

По команде и под наблюдением своих старших товарищей из Москвы, в частном порядке прозванных “колонизаторами с партбилетами” (Loring, 2014: 79; ср. Nayit, 1965: 31), жители Центральной Азии стали первыми членами партии ради своих собственных интересов, одновременно способствуя советской программе модернизации. Они построили новые оросительные системы и инфраструктуру; они посадили еще больше хлопковых полей. Но они также приняли участие в геноцидной кампании коллективизации, во время которой умерли от голода «1,5 миллиона казахов» (Olcott, 1981: 122; ср. Caroe, 1953: 141).

Тяжелая промышленность (уголь, нефть, руда) и производственные площадки появились относительно поздно с эвакуацией крупных промышленных предприятий, служащих (белых воротничков) и научных учреждений во время Второй мировой войны.

Мотивированные внешней торговлей требования об увеличении производства узбекского хлопка привели к местному кризису (голод), когда центральные плановые комиссии не смогли обеспечить поставки зерна из других частей России. Само собой разумеется, что все экономические решения, касающиеся «форсирования экспорта и подавления импорта», были согласованы в ЦК ВКП(б) и Госплане в Москве, лишив «жителей региона доступа к предметам первой необходимости» и сделав «Центральную Азию экономически зависимой от остальной части СССР в отношении торговых товаров и продуктов питания» (Loring, 2014: 80; ср. Weinerman, 1993: 446–447; Obertreis, 2017).

Именно «Центр управления» превратил Центральную Азию в настоящую внутреннюю колонию Советского Союза, и Дэвид Филдхаус лаконично отметил, что в 1917 году «Центральная Азия была типичным колониальным обществом [...] она осталась «колониальной» во всем, кроме замысла» (Fieldhouse, [1965] 1982: 339; ср. Sahadeo, 2007).

Центральноазиатские ученые в послевоенной полемике с московскими коллегами по поводу упадка в своих республиках весьма откровенно высказывались по поводу роли царской и Советской России в «социальной, культурной и политической стагнации» (Weinerman, 1993: 428).

Это было вызвано не экономикой Центральной Азии (16 век), а колониальным режимом, который правил ими более ста лет. Призывы Центрального комитета партии, отражающие общесоюзную политику (ср. Shunkov, 1946; Bakhrushin, 1955), к тому, чтобы «указывать на те преимущества, которыми пользовалась Центральная Азия при российском правлении», — хотя и были тщательно сформулированы — в то же время “перевешивались резкой критикой русского колониализма» (Weinerman, 1993: 439).

Более поздние критики, такие как Первый секретарь ЦК КП Таджикистана Бободжан Гафуров, рассуждали в том духе, что Дипеш Чакрабартти назвал «диалогом нарушенного обещания», что означает что колониализм «обещал модернизацию, но не оправдал ее» (Chakrabarty, 2009: 265, ссылаясь на Aimé Césaire; cf. Seton-Watson, [1966] 1973: 116).

Гафуров сказал в 1949 году, что Центральная Азия могла бы добиться еще большего успеха и «развивать капитализм без какого-либо российского участия [...]», потому что российские власти «сознательно сохраняли феодальную отсталость Центральной Азии» (Weinerman, 1993: 440). Вопрос о том, как исторически любая отсталость региона связана с российской колониальной администрацией и какова на самом деле роль последней в ускорении «экономического и культурного прогресса» (Weinerman, 1993: 452) в Средней Азии, оставался острым политическим вопросом в исторических и партийных дебатах вплоть до 1980-х годов.

Соппротивление коллективизации и оседлости на всей территории Средней Азии, выступающей против распространения монокультуры хлопка в Узбекистане, с одной стороны, и попыток экономической диверсификации, с другой, неоднократно вызывали чистки и суровые наказания (Carrère d'Encausse, 1999b: 260–264; Hofmeister, 2006: 74–77). Среднеазиатские восстания, такие как Движение басмачей (1916–1934), в также более ранние, частично религиозные восстания в Андижане (1898 г.) и Семиречье (1916 г.), были жестоко подавлены (Carrère d'Encausse, 1999a: 167–170; Myer, 2002: 78–85; Babadzhанov, 2009; Happel, 2010), как и аналогичные восстания мюридов на Кавказе (Halbach, [1989] 1994; Sidorko, 2007).

Такое происходило с любым другим антисоветским движением, будь то организованное славянскими крестьянами во время гражданской войны в Европейской России (Бровкин, 1989; Ландис, 2008), коренными народами Сибири в 1930-е гг. (Leete, 2005), горцами Предкавказья (в том числе татарами и калмыками из Понтийско-Каспийской степи) или прибалтийскими жителями, депортированными в Сибирь и Среднюю Азию в 1943–1945 гг. за предполагаемое сотрудничество с нацистской Германией. Потребовались долгие годы на то, чтобы депортированные народы получили политическую реабилитацию и разрешение вернуться на родину, где они столкнулись с серьезным сопротивлением славянского населения, которое, подпитываемое советской пропагандой, захватило их дома и поселилось там (Nekrich 1978; Comins, Richmond, 2002; Brandes et al. 2010; Burbank and Cooper, 2010: 432; Pohl, 2014; Annus, 2018: 36–39).

Действительно, это типично для дебатов времен холодной войны, возникает соблазн включить послевоенные сателлиты Центральной и Восточной Европы в советский список внутренних колоний, особенно с учетом «резкого ужесточения российского контроля над всем блоком» (Twitchett, 1965: 306). Однако это не кажется уместным. Отношения Советского Союза с Германской Демократической Республикой, Польшей, Чехословакией, Венгрией или Монголией — если добавить еще одного, часто забываемого сателлита на Дальнем Востоке — были гегемонистскими и имперскими по своей сути. Временное нахождение Финляндии, Прибалтийских государств и части Польши в составе Российской империи определило их более поздние отношения с Россией как неоколониальные, но не более того.

В то же время «контроль русских над казаками» был колониальным (Reinhard, 2011: 1). «Советские вторжения в Прибалтику», как Эпп Аннус уже неоднократно заявляла, напоминают раннюю экспансию России в другие части империи; государство вторглось не для колонизации, а для оккупации, а «оккупация позже переросла в период колониального господства» (Annus, 2012: 21), что позволяет «легко классифицировать советский режим в странах Балтии как колониальный режим» (Annus, 2018, 43; ср. Pohl 2014, 2–3).

Аналогичным образом, хотя Украина и является подлинной частью империи, ее вряд ли можно рассматривать как «внутреннюю колонию» Советского Союза, как когда-то думали исследователи теории модернизации (Biscoe, 1986).

Несмотря на эксплуатацию «Малороссии» и маргинализацию «Великой России», вопрос более сложен, учитывая культурную близость между двумя народами и историческую глубину их связи. Украина (буквально: «на краю», пограничье), также известная как Киевская Русь, в средние века была колыбелью русской государственности, культуры и экономики, прежде чем она уступила место более процветающим княжествам Московскому, Владимиро-Суздальскому и Новгородскому.

С другой стороны, Монголия, «не имеющая выхода к морю и находящаяся между двумя своими крупными соседями — Россией и Китаем» (Myadar, 2017: 8), никогда не была частью Российской империи, но оставалась в советской орбите и в ее криптоколониальной «тени» из-за растущего политического, военного, экономического и культурного влияния Москвы в двадцатом столетии.

Возвращаясь к вопросу о деколонизации, Советскому Союзу при поддержке Коминтерна, оказавшегося под влиянием Москвы (1919–1943), удалось убедить национальных лидеров деколонизированных стран Азии и Африки в своих добрых намерениях освободить их народы от колониального ига, одновременно прилагая много усилий к тому, чтобы скрыть ужасы коммунистического террора у себя дома (Baberowski, 1998; Schorkowitz 2018: 412–416, 439–440).

На протяжении десятилетий Советский Союз и коммунистический Китай воспринимались не как главные действующие лица, а как жертвы западного колониализма и империализма. Однако эта ситуация стала меняться, хотя и медленно, в середине 1950-х годов, когда «некоторые афроазиаты, по-видимому, начали различать коммунистический китайский и советский бренды «колониализма» (Twitchett, 1965: 313).

На Бандунгской конференции (1955) из-за китайско-российского конфликта того времени Москву обвинили в поддержании колониальных отношений со «странами Восточной Европы» (Chakrabarty, 2009: 269) и в «колониальной практике [...], в частности, когда она направлена против мусульманских нацменьшинств в Средней Азии» (Tarling, 1992: 76; ср. Burbank and Cooper, 2010: 441).

Никита Хрущев в своей речи в Организации Объединенных Наций в 1960 году вынужден был признать, что «колониальная политика царского правительства существенно не отличалась от действий западных держав в их колониях» (Weinerman, 1993: 452).

References

- Abdurakhimova, Nadira A. (2002). The Colonial System of Power in Turkestan. *International Journal of Middle East Studies*, 34(2): 239–262.
- Annus, Epp (2012). The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, 43(1): 21–45.
- Annus, Epp (2018). *Soviet Postcolonial Studies: A View from the Western Borderlands*. London: Routledge.
- Babadzhanov, Bahtiyar (2009). Andizhanskoe vosstanie 1898 goda i «Musul'manskij vopros» v Turkeстане (vzglyady «kolonizatorov» i «kolonizirovannyh»). *Ab Imperio*, 2: 155–200.
- Baberowski, Jörg (1998). Stalinismus als imperiales Phänomen: die islamischen Regionen der Sowjetunion 1920–1941. *Stalinismus: Neue Forschungen und Konzepte*, edited by Stefan Plaggenborg, 113–150.
- Biscoe, Anna (1986). Internal Colonialism in the USSR: The Case of Soviet Ukraine. PhD diss., The University of Alberta.
- Brandes, Detlef, Holm Sundhaussen, and Stefan Troebst, eds. (2010). *Lexikon der Vertreibungen: Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Wien: Böhlau Verlag.
- Burbank, Jane, and Cooper, Frederick (2010). *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Caroe, Olaf (1953). Soviet Colonialism in Central Asia. *Foreign Affairs*, 32(1): 135–144.
- Carrère d'Encausse, Hélène (1999a). Organizing and Colonizing the Conquered Territories. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview*, edited by Edward Allworth, 151–171. Durham: Duke University Press.
- Carrère d'Encausse, Hélène (1999b). The National Republics Lose Their Independence. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview*, edited by Edward Allworth, 254–65. Durham: Duke University Press.
- Chakrabarty, Dipesh (2009). Legacies of Bandung: Decolonization and the Politics of Culture. *Enchantments of Modernity: Empire, Nation, Globalization*, edited by Saurabh Dube, 264–287. London: Routledge.
- Chamberlain, Muriel E. ([1985] 1999). *Decolonization: The Fall of the European Empires*. Malden, MA: Blackwell.
- Comins-Richmond, Walter (2002). The Karachay Struggle After the Deportation. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 22(1): 63–79.
- Fieldhouse, David K. ([1965] 1982). *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. London: Macmillan.
- Halbach, Uwe ([1989] 1994). 'Holy War' Against Czarism: The Links Between Sufism and Jihad in the Nineteenth-Century Anticolonial Resistance Against Russia. *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*, edited by Edward Allworth, 251–276. Durham: Duke University Press.
- Happel, Jörn (2010). Nomadische Lebenswelten und zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916. *Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa*, 76. Stuttgart: Steiner.
- Hayit, Baymirza (1965). *Sowjetrussischer Kolonialismus und Imperialismus in Turkestan als Beispiel des Kolonialismus neueren Stils gegenüber einem islamischen Volk in Asien*. Oosterhout: Anthropological Publications.

- Hofmeister, Ulrich (2006). Kolonialmacht Sowjetunion: Ein Rückblick auf den Fall Usbekistan. *Osteuropa*, 56(3): 69–93.
- Kendirbai, Gulnar (2008). Challenging Colonial Power: Kazak Cadres and Native Strategies. *Inner Asia*, 10(1): 65–85.
- Kolarz, Walter (1952). *Russia and Her Colonies*. London: George Philip & Son Ltd
- Leete, Art (2005). Anti-Soviet Movements and Uprisings Among the Siberian Indigenous Peoples During the 1920–40s. *The Northern Peoples and States: Changing Relationships* [Studies in Folk Culture V], edited by Art Leete and Ülo Valk, 55–89. Tartu: Tartu University Press.
- Leïße, Olaf (2018). Politisches Überleben im simulierten Föderalismus: die Republik Burjatien in Russland. *Jahrbuch des Föderalismus 2018: Föderalismus, Subsidiarität und Regionen in Europa*, edited by Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung, 297–308. Baden-Baden: Nomos.
- Loring, Benjamin (2014). ‘Colonizers with Party Cards’: Soviet Internal Colonialism in Central Asia, 1917–39. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15(1): 77–102.
- Myadar, Orhon (2017). In the Soviet Shadow: Soviet Colonial Politics in Mongolia. *Inner Asia*, 19(1): 5–28.
- Myer, Will (2002). *Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia*. Richmond: Curzon Press.
- Nekrich, Aleksandr M. (1978). *Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War*. New York: Norton.
- Obertreis, Julia (2017). *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen: V&R Unipress.
- Olcott, Martha Brill (1981). The Collectivization Drive in Kazakhstan. *The Russian Review*, 40(2): 122–142.
- Pianciola, Niccol (2008). Décoloniser l’Asie Central? Bolcheviks et colons au Semirech’e (1920–1922). *Cahiers Du Monde Russe*, 49(1): 101–143.
- Pohl, Otto J. (2014). Colonialism in One Country: The Deported Peoples in the USSR as an Example of Internal Colonialism. *Journal of Race, Ethnicity, and Religion*, 5(7): 1–27.
- Reinhard, Wolfgang (2011). *A Short History of Colonialism*. Manchester: Manchester University Press.
- Sabol, Steven (2003). *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Sahadeo, Jeff (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington: Indiana University Press.
- Schorkowitz, Dittmar (2010). Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung. *Zeitschrift Für Ethnologie*, 135: 99–160.
- Schorkowitz, Dittmar (2018). ‘... Daß die Inorodcy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt ...’: *Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Seton-Watson, Hugh ([1966] 1973). Moscow’s Imperialism. *Crisis and Continuity in World Politics: Readings in International Relations*, edited by George A. Lanyi and Wilson C. McWilliams, 114–117. New York: Random House.
- Shunkov, Viktor Ivanovich (1946). *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII — nachale XVIII vekov* [Essays on Siberia’s Colonization History from the 17th to the Beginning of the 18th Centuries]. Moscow: Akademiia Nauk SSSR.
- Sidorko, Clemens P. (2007). *Dschihad im Kaukasus: Antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859)*. Wiesbaden: Reichert.

Slezkin, Yuri (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, 53(2): 414–52.

Teichmann, Christian (2016). Macht der Unordnung: Stalins Herrschaft in Zentralasien 1932–1950. Hamburg: Hamburger Edition.

Twitchett, Kenneth J. (1965). Colonialism: An Attempt at Understanding Imperial, Colonial, and Neo-colonial Relationships. *Political Studies*, 13(3): 300–323.

Weinerman, Eli (1993). The Polemics Between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region. *The Slavonic and East European Review*, 71(3): 428–81.